

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ
КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ
И ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ**

(6—8 декабря 1962 года)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1964

А. В. КОЖЕМЯКИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА «ВОРОНЕЖ»

Выяснение происхождения слова *Воронеж* имеет большое значение как для лингвистов, так и для историков.

«*Воронеж*» впервые упоминается в русской летописи под 1177 годом в связи с феодальной борьбой рязанских и владимирских князей, затем — в летописях под 1237 и 1380 гг. Большая часть историков связывает его с левобережной территорией Подонья, но, однако, в последние 30—35 лет выдвигается предположение, что в летописи идет речь о Северной Украине, в частности о современном поселке Воронеж в Сумской области УССР¹. Отмечают, что Сумская и Воронежская области имеют целый ряд черт, сближающих их между собой в географических названиях: Воронеж — Воронеж, Рамонь — Ромны (Ромен), Усмань—Эсмань и др.: в области материальной культуры прошлого для них характерна так называемая культура роменско-боршевского типа VIII—X вв.

Для выяснения целого ряда спорных вопросов необходимо выяснить, на наш взгляд, семантику слова *Воронеж*.

В середине XIX века выдающийся русский ученый И. И. Срезневский высказал мнение, что *Воронеж* является производным от слова «воронь»². Подобной точки зрения придерживается В. А. Магин³. М. Н. Мельхеев считает, что *Воронеж* происходит или от слова *ворона* (птица), или от *воронь*—чернь, черная земля⁴. По мнению П. Н. Третьякова, название *Воронеж* следует связать с геродотовскими меленхленами — «людьми в черных одеждах»⁵. Н. П. Милонов полагает, что этимологию слова *Воронеж* можно отнести к славянской гидрологической топонимике, обозначающей цвет воды⁶. Суммируя сказанное,

¹ У. С. Абрамов. Летописний Вороніж на Чорнігівщині. Юбилейний збірник на пошану академіка Д. Г. Багалія з нагоди сімдесятої річниці. «Збірник історико-філологічного відділу Академії наук УРСР», № 51, Київ, 1927, стр. 461—468; Большая Советская Энциклопедия, т. IX, М., 1951, стр. 108; Українська Радянська енциклопедія, т. III, Київ, 1960, стр. 17.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1, М., 1893, стр. 303.

³ В. А. Магин. Заметки о топонимике Подонья по документальным данным XVII века. «Уч. зап. Таганрогского пединститута», вып. 5, Таганрог, 1958, стр. 164.

⁴ М. Н. Мельхеев. Географические имена (топонимический словарь). М., 1961, стр. 26.

⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 63.

⁶ Н. П. Милонов. Топонимика и некоторые вопросы из истории древней Руси. «Уч. зап. Рязанского пединститута», т. XVI, 1957, стр. 140—141.

можно прийти к выводу, что существуют две точки зрения: согласно первой *Воронеж* происходит от слова *ворона*, второй — происхождение слова связано с понятием *черный* (черный цвет воды, черная земля, люди в черных одеждах). Из этих двух точек зрения наиболее распространена первая, и на ней мы вкратце остановимся.

Как мы отмечали выше, И. И. Срезневский *Воронеж* выводил из *воронъ*. Если это действительно так, то в славянских языках должны были бы остаться какие-нибудь следы этого. И. И. Срезневский для подкрепления своей точки зрения, что от слова *воронъ* образованы некоторые собственные имена (нередко встречающиеся в древнерусских памятниках), приводит в пример название Воронеж, Вороночь и Воронцово¹. В связи с этим следует отметить, что все указанные названия находятся в областях, заселенных в прошлом угро-финскими (чудскими) племенами. Является ли это случайностью? На наш взгляд, нет.

Как известно, Воронежский край продолжительное время входил в состав Рязанского княжества. Его население составляли мордовско-мещерские и славянские племена вятичей, причем первые, как показали археологические раскопки, являлись аборигенами: слово *Рязань* обозначает *эрья*, название одного из мордовских племен². В связи с этим можно предположить, что и территория края до IX века была заселена угро-финскими племенами. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют такие данные топонимики, как Мордовское городище по р. Потудани³, село Мордово на р. Битюге в Тамбовской области, Мордовский липяжок⁴ на этой же реке (по документам XVII в.), река Мокша, приток Усмани⁵. Памятником данного периода, возможно, является цокающий говор в ряде мест Воронежского края, характерный для мордвы⁶. Это «цоканье» дало название целой группе населения — цуканы.

В связи с этим возникает вопрос: не могло ли название появиться в среде одного народа, а потом быть усвоено другим без понимания его внутреннего смысла?

Если считать, что понятие *Воронеж* произошло от слова *ворона*, то возникает ряд вопросов, которые вряд ли сумеют объяснить и авторы этих гипотез. Например, непонятно, почему протекающая параллельно рекам Луговой, Польный и Лесной Воронеж река носит название Ворона: зачем местному населению понадобилось общеславянское слово *ворона* превращать в непонятное слово *Воронеж*? И является ли в самом деле понятие *Воронеж* славянским?

Если мы рассмотрим слово *Воронеж* по летописным материалам, XI—XIV вв., то нам бросится в глаза его различная форма написания — *Воронаж*, *Воронож*, *Воронез*. Такое же явление мы наблюдаем в документах XVII в.: к этим словам присоединяются *Вороняж*, *Вороньиц*, *Ворнож*⁷.

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. М., 1893, стр. 303.

² См. подробнее Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 134—160; В. Г. Руделев. Историко-этнографические данные о жилище Рязанского края XIX века, стр. 161—172. «Уч. зап. Рязанского пединститута», т. XVI, 1957.

³ И. И. Барабаш-Никифоров. Звери юго-восточной части Черноземного центра. Воронеж, 1957, стр. 102.

⁴ М. Тимошечкин. Битюцкий розыск. «Подъем», 1962, № 4, стр. 133.

⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Составил В. Михалевич, СПб., 1862, стр. 27.

⁶ В. В. Иванов. Краткий очерк исторической фонетики русского языка. М., 1961, стр. 56—57.

⁷ К. А. Александров-Дольник, Н. Второв. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, кн. 2. Воронеж, 1852, стр. 1, 16, 18, 51; «Книги Московской большой таможи» — Новгородская, Астраханская, Малороссийская, 1693—1694 гг. М., 1961, стр. 78.

Как мы видим, для всех этих слов характерен корень *вор*, а не *ворона*. Это слово в угро-финских языках имеет значение «лес» — *вор*, *вэр* (коми), *эрдэ* (erdő—венгерск.), *вирь* (мордовск., эрзя), *вирь* (мордовск., мокша). Отсюда и название притоков р. Угры и р. Клязьмы — *Воря*. Возможно, с корнем *вор* связаны и такие топонимические данные, как с. Воргол (Воргла) в Сумской и Воронежской областях, г. Оргошь (Воргошь), существовавший в XII в. в Северной Украине¹. В последнем слове мы видим соединение славянского слова *гощу* (от *гостити* — торговать) с мордовским *вэр* (*вор*) — лес (Вырь, Вдрин, Выревец и др.).

Для целого ряда населенных пунктов России и Украины (Сумская область) характерен неславянский суффикс *-неж* — Родонезж, около Москвы — Уненезж (Унаиаж); соврем. Нежин, местность Уснежин, Нежатина Нива и др.

Как отмечают историки, в пределах Воронежского края в IX веке жили венгерские племена, носившие название белых угров (в отличие от черных угров, живших на Дунае). Их также называют еще хазарами. Памятниками этой эпохи, возможно, являются Хазарское поле, Хазарское городище, Хазарский брод в г. Воронеже, известные по документам XVII века². К этому периоду относятся и такие данные ономастологии, как Казаринов Петр, Казаринко Омельянов, Федор Казаринов, Селиван Казаришов и др.³. Следует отметить, что на территории бывшего Рязанского княжества, в состав которого входил и Воронежский край, сохранились такие данные топонимики, как с. Хазар возле Рязани. Как сообщает русская летопись, любимыми слугами муромского князя Бориса (начало XI в.) были «сын Угреск именем Георги» и его брат Моисей Угрин. Археологами отмечается сходство бронзовых вещей IX—X вв., найденных на территории Донца, с вещами, найденными на территории Венгрии⁴.

Подобная близость двух народов, венгерского и мордовского, нашла свое отражение и в языке, в данном случае в слове *Воронезж*. Как известно, мордовский язык разделяется на две ветви — эрзя и мокша, и выражение «лесная защита» (опора) на этих языках звучит так: *вирьнеже* (эрзя), *вирюнежеть* (мокша). Отметим, что по-венгерски оно будет передаваться *erdész* (ердеж — лесничий, лесовод), *erdészet* (ердежет — лесоводство). Возможно, с этим связано название города Бездежа, существовавшего в XIV веке на границе с Воронежским краем.

По нашему мнению, название *Воронезж* возникло из специфических условий жизни местного угро-финского населения Рязанского княжества, защищенного с юга непроходимыми лесами и являвшихся преградой для набегов степных кочевников. Эта детализация названий (лесная опора, защита) вообще свойственна жителям лесной полосы угро-финских племен⁵.

В связи с этим возникает вопрос, как могло произойти название *Воронезж* в Сумской области, где не отмечается влияния угро-финских племен и где территория всегда была славянской. По нашему мнению,

¹ В. Н. Голорев, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 223, 242.

² «Воронежские писцовые книги», кн. II. Воронеж, 1891, стр. 23.

³ Там же, стр. 5, 15, 68, 240, 250.

⁴ В. П. Шущарин. Русско-венгерские отношения. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 134, 174, 175; Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVI в., под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1960, стр. 144, 183.

⁵ Б. А. Серебренников. Волго-Окская топонимика территории европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1955, № 6, стр. 27—28.

происхождение второго Воронежа следует объяснять событиями конца X века. Русская летопись под 988 г. сообщала, что в этот год «нача ставити городы по Десне и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати мужи лучшие от словен, и от кривич, и от чуди, и от вятич, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег»¹.

Следует отметить, что освоение вятичами территории Воронежского края происходило не ранее VIII века и, как показывают археологические исследования, длилось до X века. Где-то в конце X века прекратилась жизнь на многих славянских городищах Подонья и Приворонежья. Возможно, с берегов Приворонежья вятичи переселились в указанные в летописи места и дали им названия своих старых родных мест.

В заключение отметим некоторые стороны гипотезы П. Н. Третьякова о Воронеже. Его высказывание о связи геродотовских «меленхленов» с названием *Воронеж* не является новым: подобное предположение выдвигалось еще в XIX веке чешским ученым В. Томашеком. В отличие от П. Н. Третьякова (связывавшего воедино Черную Могилу, князь Черны, Чернигов и Воронеж), В. Томашек считал, что меленхлены и черемисы (марийцы) близки между собой на том основании, что первые были «людьми в черных одеждах», а вторые носили черные кафтаны (и при том не все). Видный исследователь народов Поволжья И. Н. Смирнов в связи с этим указывал, что, кроме признака черной одежды, между меленхленами и марийцами нет ничего общего². В связи с этим, на наш взгляд, необходимо крайне осторожно подходить к подобному предположению П. Н. Третьякова. К тому же он не конкретизирует свою гипотезу: из текста неясно, какой Воронеж П. Н. Третьяков имеет в виду — сумской или центр одноименной области³.

На основании вышеизложенного материала можно прийти к следующим выводам.

1. Слово «Воронеж» имеет не русское, а угро-финское (мордовское) происхождение.

2. Возникновение названия *Воронеж* в Сумской области следует связать с миграцией вятичей из Подонья на территорию левобережной Украины в конце X века.

¹ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 83.

² И. Н. Смирнов. Мордва. «Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. X, вып. 2, Казань, 1892, стр. 186—187.

³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 63.